

Дмитрий Стрешнев

**Мыши профессора
Цаплина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

Дмитрий Стрешнев

**МЫШИ
ПРОФЕССОРА
ЦАПЛИНА**

Москва
2011

Стрешнев Д.

Мыши профессора Цаплина / Дмитрий Стрешнев — М. :
Книга по Требованию, 2011. — 330 с.

ISBN 978-5-4241-0045-1

Неужели рядовому работнику НТР под силу отомстить всесильным бизнесменам от криминала, которым приглянулось престижное здание научного института? Один из них нашел могущественных подручных, всевидящих и всюду проникающих. Правда, сначала приходится учить их азам научно-технического прогресса. Зато как сладко потом мстить их руками... скорее — лапами, прежним обидчикам. А затем — подумать и о переустройстве всего мира. Однако жизнь любит посмеяться над своими героями. Незначительный недочет рушит гениальный план. В конце концов спасители человечества от монстров обиженного профессора обнаруживают, что сами не имеют другого выхода, кроме как снова прибегнуть к той же могущественной силе, которую создал для себя профессор Цаплин.

ISBN 978-5-4241-0045-1

© Дмитрий Стрешнев

© ООО «Книга по Требованию»

*Один самый обычный день в конце XX века
за восемь месяцев до начала роковых событий*

Перед казенным зданием грубой советской постройки блестела лакированными телами стоя дорожных автомашин, среди которых одна — четырехглазый «Мерс» с номером 777 ок (такой наборчик в автоинспекции стоит не меньше половины штуки баксов). Даже без комментариев прессы было ясно, что внутри здания происходит что-то серьезное.

А там, внутри, по коридору текла черная икра плащей и пальто: сентябрь в этом году был прохладный. Впереди всех шел молодой человек с лицом, одухотворенным революционным безумием, который громко говорил — и вместе с эхом между стенами металось:

— Новая оригинальная концепция интерьера, в пространство которого вольется панорама окружающего мира... Органичное сочетание металла и стекла закольцует пространство эстетикой хай-тека... Легкий слог архитектурного языка... Хрустальные конусы фонтанов...

Это был, ясное дело, то ли дизайнер, то ли архитектор — на лбу у него не написано. Говорил он, не останавливаясь, красиво, словно сыпал стихами на иностранном языке. От пахнущих загадочным иноземным туманом слов безликие стены эпохи развитого социализма на глазах покрывались туберкулезной плесенью, а наполненные бледным светом плафоны смотрелись тоскливее, чем обычно.

Когда дизайнер-архитектор на мгновение задерживался, все прочие тоже послушно останавливались, а потом так же поспешно срывались вслед за ним дальше по длинному коридору. Эхо летело далеко впереди породившего его жизнерадостного голоса и резонировало в гулких покинутых помещениях. Но в одном из этих помещений, загроможденных пустыми клетками и неуклюжими научными приборами, можно было совершенно неожиданно обнаружить двух живых существ: человека и обезьяну. Обезьяна вела себя, как и полагается обезьяне: вертела головой, строила гримасы и совала в рот всё, до чего могла дотянуться. Короче, обезьянничала. Человек — обладатель безобидного лица технического интеллигента, немного подправленного воинственным седым ежиком, — меланхолично листал бумаги, испорченные дрянным почерком и каракулями формул, а некоторые листки разглядывал, держа далеко от глаз на вытянутой руке, что свидетельствовало о проблемах со зрением. Время от времени он тянул за поводок, одергивая чересчур распоясавшуюся обезьяну.

На первый взгляд картина напоминала идиллические кадры из старого кинофильма о счастливой, наполненной творчеством судьбе научных работников. Но вялый размагниченный взгляд и нарочито изломанная поза, в которой находился сидящий на стуле, ясно говорили: что-то здесь не так. Нет, решительно нет! Приятеля обезьяны я никак бы не назвал счастливым.

Неизвестно, сколько уже сидел так означенный человек, бесцельно перебирая бумаги, и неизвестно, сколько он бы еще просидел, маясь этим занятием, если бы не открылась дверь и не вошел еще один такой же невзрачный представитель научного пле-

мени. Судя по тому, что его плечи покрывала всего лишь клетчатая рубашка, на улицу он не выходил, а бродил где-то внутри здания по коридорам. Ясное дело, шпионил. Сразу с порога он сказал, кривя в интеллигентской усмешечке тонкие губы и показывая сощуренными зеленоватыми глазами непонятно куда:

— Всё. Хана генетике. Там уже ходят эти, с мобильных... Правильные слухи были, что дирекция всё приватизировала и продала под офисы и ресторан... — его глаза задержались на обезьяне, и он тут же пошутил: — Не хочешь узнать, есть у них макаки-резус в меню? Торганем!..

— Науке не может настать хана, — отозвался меланхолический человек и сильно дернул за ремешок обезьяну, пытавшуюся схватить лежащие на краю стола очки.

— Не знаю, не знаю, — возразил другой с веселой злостью. — Мне тут рассказали про одного директора банка, которого сняли за то, что не выдал кредит нужным людям, как велели. А он всего-то заикнулся: мол, надо бы решение правления... Пятнадцать миллионов рублей убежали на быстрых ножках! Где уж тут денег на науку взять!..

Расплывчатое эхо голосов вдруг вынырнуло совсем близко.

— Вот они, идут! Уже здесь... Между прочим, вчера меня шпана на улице обозвала ботаником. Такое, значит, у них теперь прозвище для таких, как мы.

— Неважно, — сказал сидящий и отобрал у обезьяны очки, которые она всё-таки схватила (обезьяна сделала гадкое лицо и обиженно запричитала). — Неважно: ботаник, Архимед, Имхотеп... Всё равно любящая цивилизация живет под знаком «пи», и никто ни-

когда не сможет отменить соотношение, по которому размах рук нашего тела на три процента превышает его рост...

— Да хватит, перестань! — перебил его вошедший. — Такие психи, как мы, уже не в моде... Кстати, чего я, собственно, здесь торчу? Ничего хорошего ждать явно не приходится.

Он надел вполне еще приличный плащ, хотя и здорово не ладящий с неформальным профилем времени, и сказал с допустимой завистью:

— У тебя хоть машина есть. Будешь частным извозом заниматься. Агаланов языки знает, а Кlover вообще еврей. Все вы как-нибудь устроитесь. А мне куда?.. Ну, пока, встретимся на свалке истории!

— Скорее, просто на свалке... — пробормотал сидящий, не подозревая, насколько он был близок в этот момент к истине.

Уже взявшись за дверную ручку, уходящий сказал напоследок быстрым шепотом:

— Подлецы всегда в выигрыше!

В вырезе двери, которую он затем открыл, неожиданно оказалась толпа, покорно внимающая возвышенно-страстному голосу:

— Лестницы должны стать светоносным элементом интерьера! При этом вектор будет направлен от демонстративного техницизма к образной грациозности форм!.. Наиболее радикально в этом смысле прозвучит холл первого этажа...

Взгляд пророка контуров нового мира случайно залетел в комнату и обреченно заметался в ловушке из незатейливых прямых углов. Спасаясь от этого зрелища, дизайнер-архитектор бросился дальше по коридору, увлекая за собой слушателей. Но увлек не всех. Отделившийся от прочих крепкий мужчина в сером ко-

стюме задержался и встал в косяке распахнутой двери. Это был директор института Прыгунов.

— Иван Алексеевич, Арнольд Андреевич, вы что тут сидите? — спросил он с откровенным подозрением в голосе. — Всем же сказали, что сегодня можно не приходить.

— Я на минутку, личные вещи забрать, — пробормотал тот, что собирался уйти (это его звали Иваном Алексеевичем), и поспешно протиснулся мимо серого костюма наружу.

— Ну а вы, господин Цаплин? — спросил Прыгунов, ступив внутрь помещения, но на всякий случай остановившись на благоразумном расстоянии от обезьяны. — Вы разве не читали приказ?

— Приказ о погублении науки, — криво усмехнулся названный Цаплиным.

— Не паникуйте. Вашу лабораторию временно переведут в другое помещение, только и всего.

— Вы меня обманываете. В газете ясно написали: «Институт идет с молотка». Это погубит отечественную генетику...

— А! — махнул рукой серый и вздохнул даже как будто с сожалением. — Все и без того уже за бугром.

— Не врите. Агаланов здесь, и даже Кlover еще здесь...

В двери появилось новое лицо. Это был один из тех, «с мобильниками», согласно социальной характеристике, данной Иваном Алексеевичем.

— Ленчик, я тебя потерял, ты где?

— Так... Дела были. Иду, — сказал Прыгунов.

Но тот уже увидел обезьяну.

— Какая зверюшка!

И пошутил, подойдя к столу и с развязным любопытством наклонясь над животным:

— Не плюшевая?

Внезапно обезьяна заорала так пронзительно, что любопытствующий вздрогнул и отшатнулся.

— Она что, психованная?

Обезьяна и в самом деле отчего-то очень расстроилась: прыгнула на руки к человеку, который держал ее поводок, и о котором мы уже знаем, что его зовут Арнольдом Андреевичем Цаплиным, и оттуда продолжала орать, озираясь и скаля зубы.

— Что это она? — повторил «мобильник», неприятно задетый таким поведением тупого животного.

— Очевидно, рефлекс профессора Инге-Вечтомова, — сказал ученый.

— Как это?

— Этой барышне привита чувствительность к чужим эмоциям, — объяснил Цаплин, поглаживая обезьяну по спине, отчего та понемногу начала успокаиваться. — Так называемые генетические подвижные элементы... Впрочем, надо бы проще... Животное реагирует на постороннее биополе. Особенно болезненно воспринимает ненависть... дурные намерения...

«Мобильник» натужно засмеялся.

— Фуфло какое-то, товарищ ученый.

— Это наука, — тускло сказал тот, что с обезьяной.

— Значит, фуфло наука ваша.

Приятель обезьяны не отозвался и продолжал молча горбиться на стуле.

— Ладно, Ленчик, пошли, — сказал тот, что обозвал науку фуфлом, вернув своему голосу прежнюю сочную звучность.

Прыгунов поспешно направился следом, скороговоркой пообещав:

— Не волнуйтесь, Арнольд Андреевич, всё будет в порядке.

Цаплин услышал, как уже за дверью здоровый, жизнерадостный голос того, что с мобильником, сказал:

— Чего ты расшаркался перед этими мышами? Давай бегом отсюда, двинем скорей в «Золотой дракон», а то меня от этой тоски уже тошнит!..

— Расшаркался... — почти беззвучно повторил тот, что остался в комнате снова вдвоем с обезьяной, — перед... мышами...

Самое удивительное, что в этот момент он действительно увидел мышь. Не благородную лабораторную белую мышку, а настоящую дикую, серую. Она крадась вдоль плинтуса, делая временами короткие перебежки.

1

Восемь месяцев спустя двое совершенно не связанных с описанными выше событиями братков: Александр Ялов по кличке Мотня и Матвей Чекунков по кличке Чекан — и не просто братков, а крутых (и попробуй кто-нибудь им в этом возразить!) — ехали на иномарке неразличимой принадлежности, но, разумеется, типа «джип» и черного устрашающего цвета. Мотня и Чекан были бойцами бригады Коляна. Не того Коляна Груздя, которого менты замели в погонах полковника на тачке с депутатскими номерами, а Коляна Самары, который засушил уши Косого и носил с собой вроде амулетов.

Они возвращались с «разъяснительной работы»: ездили выбивать должок с зажравшегося подпольного водочного фабриканта и теперь обретались в хорошем настроении, гордые собой. Недолгого мужского разговора вполне хватило, чтобы щемила признал, кто в районе хозяин, и согласился выложить бабки. В знак,

что зла на него не держат, Мотня и Чекан прихватили с собой в качестве сувениров две бутылки «Праздничной» и одну «Голубого топаза».

По дороге Мотня рассказывал свои любимые истории:

— ...Аккумулятор сдох, падла. Гляжу: лоховская тачка стоит. Натурально, подъехал, фомкой поддел, аккумулятор приватизировал. Тут какой-то куль выскакивает...

Про куля Мотне дорассказать не удалось. В этот момент они как раз подъехали к пересечению, где висел унизительный для водителя треугольный знак, требующий уступить дорогу. Впрочем, знаки Мотня в упор не видел: очевидно, таким образом было устроено его зрение. Поэтому он очень оскорбился, когда поперек траектории их с Чеканом авто пролетел допотопный «Москвич» бирюзового цвета. Даже не то чтобы пролетел, а нагло проехал. Мотне пришлось прижать тормоз, отчего у него в желудке забурлил злобный кипяток, а с языка привычно слетели несколько слов, которые приводить здесь совсем не обязательно. Когда свернули за «Москвичом», он прибавил газку.

— Ты чё? — спросил Чекан.

— Козла проучу.

— А... — равнодушно отозвался Чекан.

Их машина легко нагнала бирюзового уroda.

— Цвет у него... — заметил Чекан и обрисовал, какой именно цвет.

Обойдя «Москвича» на корпус, Мотня бросил машину вправо, круто подрезая, и нажал на тормоз. Бирюзовый завизжал своими колодками и накладками, но Мотня — то ли от злобы, то ли не повезло — плохо рассчитал. Глухой удар сообщил, что просто попугать козла не получилось.